

На заброшенном погосте среди безымянных могил возились двое сборщиков тел.

Проходя мимо одинокого рассохшегося гроба, молодой могильщик притормозил и уставился на треснувшую древесину:

— Отец, глянь... тут еще один.

Старший даже не обернулся:

— Правило у нас такое, сынок: одинокие гробы у обочины не трогать. Если бросили прямо у дороги, тут одно из двух. Либо покойник был гол как сокол, и у родни даже на приличную яму гроша не нашлось, либо... в этой колоде заколочено что-то нечистое.

Не успел он договорить, как раздался оглушительный треск.

Тяжелая крышка гроба взмыла в воздух и пролетела прямо перед носом ошарашенного парня. Чудом не задев его, она с грохотом рухнула на камни и разлетелась в щепки. Сам юноша остался цел и невредим, лишь ветер обдал его лицо запахом тлена.

Следом к его ногам со звоном посыпались кованые гвозди — гробовые, которыми намертво заколачивают крышку, дабы уберечь живых от незваных гостей с того света. Раз уж они вылетели, значит...

В голове у парня пронеслись худшие кошмары. Взвизгнув, он на четвереньках рванул назад, спрятался за спину отца и заверещал во все горло:

— Мертвяк! Отец, мамочки, он встает! Нечисть проклятая!

Именно эти вопли и разбудили Цзян Ту.

Опираясь на расщепленный край гроба, он медленно сел. Левое плечо, насквозь пробитое ржавым гвоздем, неестественно вывернулось. Цзян Ту безэмоционально надавил на сустав — раздался сухой хруст, и кость встала на место. Изувеченная, обнажившаяся добела плоть начала стремительно затягиваться, покрываясь молодой кожей. На фоне алого похоронного одеяния его фигура казалась пугающе бледной.

Оцепенелые чувства возвращались неохотно, принося с собой тупую, изнуряющую боль, но Цзян Ту даже брови не нахмурил. Он лишь скользнул взглядом по сборщикам тел. Младший от страха прирос к земле, а отец тщетно пытался оттащить его за шиворот. Цзян Ту неторопливо шагнул к ним.

— Будьте любезны, — раздался его голос, вопреки ожиданиям мягкий и на удивление

приятный. — Подскажите, это уезд Наньту?

Старший могильщик с трепетом поднял голову и замер. Перед ним стоял молодой мужчина — пугающе красивый, с резкими, словно выточенными из нефрита чертами лица. Длинные черные волосы беспорядочными прядями падали на плечи, будто поглощая тусклый дневной свет. Цзян Ту мягко улыбался, его разрез глаз напоминал очертания ивового листа. Не дождавшись ответа, он терпеливо повторил:

— Так это Наньту?

Старик судорожно закивал:

— Да... да, господин, Наньту. Самый что ни на есть Наньту.

Цзян Ту улыбнулся чуть шире:

— Почтенный, не подскажите, не случилось ли в уезде в последнее время чего-то... необычного?

— Ох, милостивый господин, да сейчас везде чертовщина творится, почитай, каждый божий день... — залепетал старик, вжимая голову в плечи. — Мы люди маленькие, под крылом самого Владыки преисподней хлеб свой зарабатываем, мертвых не грабим, зла никому не желаем...

При этом он то и дело косился на алые одежды собеседника, и во всем его облике читался первобытный ужас: «Да главная чертовщина здесь — это ты!»

Цзян Ту едва заметно качнул головой.

— Благодарю вас. Раз уж вы поминаете Владыку преисподней, то не откажите в услуге. Если впредь наткнетесь на брошенные тела, потрудитесь...

Договорить он не успел. Старик, улучив момент, сгреб сына в охапку, рванул с места и припустил прочь по кособокому так, что только пятки засверкали.

Цзян Ту посмотрел им вслед и со вздохом стер с лица вежливую улыбку.

Удивительные люди. Твердят, что ходят под Владыкой преисподней, а заведя его во плоти, бегут быстрее лани.

Впрочем, главное он узнал: это действительно Наньту, а значит, он не промахнулся мимо цели.

Цзян Ту раскрыл ладонь. На бледной коже соткалось соцветие туми, лепестки которого мерцали, точно искры погребального костра. Он сорвал один из них, зажал между пальцами и подбросил вверх. Белоснежный лоскуток послушно завис в воздухе, словно ручной зверек в ожидании команды.

Назвав дату и точное время рождения искомого человека, Цзян Ту негромко приказал:

— Найди его.

Лепесток вспыхнул, обратившись в поток чистой духовной силы, которая властно накрыла все кладбище. Вскоре пришел ответ: тончайшая алая нить обвила мизинец Цзян Ту, а ее свободный конец устремился далеко в чащу леса.

Нить вела его на протяжении трех ли.

Внезапно из лесной глуши донесся частый, панический топот ног. Одновременно с этим алая пряжа на пальце натянулась так сильно, что едва не лопнула.

Цзян Ту остановился и обернулся.

Из густых зарослей, ломая ветки, выскочил грязный, взъерошенный комок и со всего маху врезался ему в грудь. От неожиданного удара Цзян Ту покачнулся, а в нос ударил резкий, удушливый запах свежей крови. «Зверек» жалобно пискнул и затих у него на руках, по-видимому, потеряв сознание от столкновения.

Цзян Ту с сомнением оглядел нежданную ношу, однако рассмотреть ее толком не успел: из того же подлеска вывалилась шумная толпа преследователей. Все они носили одинаковые одежды, их волосы были аккуратно уложены под нефритовые заколки — типичные заклинатели из какого-нибудь ордена.

Завидев незнакомца, преследователи разом замерли.

Перед ними стоял бледный мужчина в изодранном алом саване. Глубокие, темные глаза казались бездонными. Он был бос, и покрытые грязью ступни отдавали мертвенной белизной. Лишь покойникам перед погребением обвязывали щиколотки красной бечевкой — и именно такая нить тянулась от его ноги.

Как назло, по верхушкам деревьев пронесся порыв ветра, отозвавшись зловещим свистом, от которого у любого смертного побежали бы мурашки по коже.

Среди заклинателей верховодил мужчина в желтых одеждах — судя по всему, старший среди присутствующих и наиболее опытный. Он настороженно разглядывал преградившего путь незнакомца, колеблясь и не решаясь сделать шаг.

Жуткое окружение старого погоста лишь усиливало гнетущее впечатление от фигуры в красном саване. Живой перед ним или выходец с того света? В эпоху, когда духовная энергия угасала, а границы миров истончались, встретить нечисть на большой дороге было проще простого.

Желтокофетник прокашлялся и осторожно заговорил:

— Мы — заклинатели ордена Стремительного Ветра из Среднего царства. Просим прощения, если потревожили ваш покой. Будьте любезны, верните нам мальчишку, которого вы держите, и мы разойдемся миром.

Цзян Ту на мгновение растерялся.

«Мальчишка? Какой еще мальчишка?»

Вдруг «зверек» у него на груди мелко задрожал. Тонкая, истощенная ручонка, перепачканная грязью и запекшейся кровью, приподнялась и с неожиданной силой вцепилась в его воротник. Пальцы свело судорогой.

Опустив взгляд, Цзян Ту столкнулся с широко распахнутыми глазами. На него смотрел ребенок — дикий, загнанный волчонок. Его зрачки золотились теплым янтарным светом, в котором плескалась нечеловеческая боль.

— Спа... — прошелестел сквозь запекшиеся губы мальчик и тут же обмяк, потеряв последние силы.

Его рука соскользнула, оставив на алом шелке пять багровых полос.

И в ту же секунду Цзян Ту заметил, что к истощенному детскому пальцу тянется та самая красная нить. От резкого движения она натянулась струной и с беззвучным щелчком лопнула.

Уголок губ Цзян Ту едва заметно дрогнул.

Не зверь.

Перед ним лежал тот, ради кого он покинул покой преисподней, — Дитя судьбы.

В памяти всплыли слова Императора призраков Сун Хэна, который без приглашения явился в его поместье:

«Этот малый слишком долго топчется на пороге бессмертия. Если в этой жизни он не сумеет вознестись, мир смертных захлебнется кровью. Цзян Ту, я знаю, что ты не любишь мирскую суету, но Гадательный массив Небесных Тайн указал на тебя. Только тебе это под силу. Прошу, отправляйся в Нижнее царство».

Сун Хэн когда-то оказал ему неоценимую услугу, и долг чести обязывал Цзян Ту согласиться. Но...

Он посмотрел на полуживое, жалкое существо у своих ног. Этот доходяга действительно должен стать тем самым грозным владыкой, способным перевернуть небеса и землю?

Цзян Ту одолевали сильные сомнения.

Как бы то ни было, цель достигнута.

Цзян Ту бережно опустил мальчика на чахлую траву и сделал шаг вперед, закрывая его своим телом от чужих взглядов. Сложив ладони, он ответил на приветствие предводителя вежливым, но холодным поклоном.

— Вынужден отказать, — ровно произнес он.

Кем бы ни были эти люди мальчишке, отдавать им Дитя судьбы он не собирался.

Главарь заклинателей опешил. В его глазах удивление быстро сменилось злостью, смешанной с затаенной тревогой. Орден Стремительного Ветра процветал в Среднем царстве — обители, стоявшей на целую голову выше этого Богом забытого захолустья Нижнего царства. Неужели имя его школы больше ничего не значит для здешней швали? Или этот безумец просто не ведает, с кем связался?

Заметив, как меняется лицо предводителя, Цзян Ту лишь мысленно пожал плечами. Он снова взглянул на ребенка.

Даже в беспамятстве тот дрожал от холода и страха, пытаясь сжаться в комок. Из-под рваных лохмотьев виднелась тонкая лодыжка, опутанная тяжелой ржавой цепью. Железо, бывшее едва ли не толще самой кости, давно въелось в живую плоть, покрывшись нагноениями и струпами. Больно было даже просто смотреть на это уродство.

Подобными цепями для сковывания душ в подземном царстве сковывали самых буйных грешников перед отправкой на пытки.

Цзян Ту прищурился.

— Позвольте узнать, кем приходится вашему ордену этот отрок?

Стоило ему заговорить, как окрестный воздух сделался тяжелым, словно перед грозой. Опешивший предводитель невольно вздрогнул, но, не желая показывать слабость перед своими учениками, огрызнулся:

— А не много ли вопросов для случайного прохожего? Какое тебе до него дело?

Цзян Ту понимающе кивнул:

— Понимаю... Стыдно признаться? Что ж, не неволю. Раз так, я забираю его. Всего хорошего.

Эта невозмутимость довела предводителя до белого каления. С его пальцев сорвался сгусток ци и с треском распахал землю у самых ног Цзян Ту.

— Не нарывайся, приятель, — процедил он.

От удара полы красного савана качнулись, приоткрывая висевшую на поясе нефритовую подвеску. Она тускло мерцала, окутанная плотной черной дымкой.

Едва заметив этот блеск, толпа за спиной предводителя разразилась дружным хохотом.

— Черный цвет! Старший брат, а ты перед ним распинался! Да это же обычный никчемный калека первого ранга!

— Ха-ха-ха! Чернее некуда! Я такую срань видел только у деда, который у нас нужники чистит!

— Какая-то шваль вздумала забрать наш сосуд для парного совершенствования? Слышь, ты саван-то заранее надел, чтобы приличным людям время на твои похороны не тратить?!

Предводитель покраснел от ярости, его зубы закрипели. Сам он достиг средних рубежей второго ранга — уровень, заурядный для Среднего царства, но здесь, на дне мира, он считался непревзойденным мастером. И его, почтенного заклинателя, обвел вокруг пальца жалкий нищий с пустой чакрой духовных сил!

Осознание того, как трусливо он вел себя секунду назад, жгло каленым железом. Позор нужно было смыть кровью.

Выхватив клинок, он направил его в лицо Цзян Ту:

— Сдохни, герой паршивый!

Его меч, выкованный из редчайшего Железа Холодных Снегов, уступавшего прочностью лишь Тяньшаньскому железу, хищно блеснул, испуская волны ледяной стужи.

От такого удара не поздоровилось бы и равному по силе противнику, что уж говорить о калеке первого ранга.

Уверенный в легкой победе, предводитель Стремительного Ветра оттолкнулся от земли. Клинок со свистом рассек воздух, нацелившись точно в горло Цзян Ту.

Сталь приближалась с быстротой молнии. Но этого краткого мига Цзян Ту хватило, чтобы равнодушно перевести взгляд со своей подвески на летящее лезвие. Он мог уклониться в долю секунды, но не счел нужным утруждать себя.

Лишняя трата сил.

Из издевательских криков он успел вычленить главное: мальчишка был сосудом для парного совершенствования.

Дитя судьбы, будущий владыка мира — и обычная бесправная игрушка в руках упивающихся властью мерзавцев. Живого места на нем нет.

Цзян Ту скользнул взглядом по ржавым звеньям на детской щиколотке. Просто уйти и оставить этих тварей безнаказанными? Нет, пожалуй, это было бы слишком милосердно.

В глубине его зрачков полыхнуло багровое адское пламя.

«Что ж... почему бы и не поразвлечься?»

<http://bllate.org/book/19047/1897328>